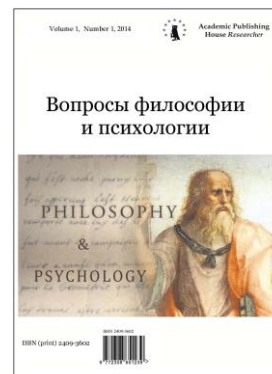

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
E-ISSN 2414-0856
Vol. 9, Is. 3, pp. 126-137, 2016

DOI: 10.13187/vfp.2016.9.126
www.ejournal20.com

UDC 1

Postnonclassical Philosophy of Science: Critical Analysis

Sergey A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow 105005
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: saleb@rambler.ru

Abstract

The article is reconstructed the conceptual nucleus modern stage of the philosophy of science, its concretizations in a series of different conceptions of the structure and dynamics of scientific knowledge, critical analysis of the main provisions, as the core of this phase and its different variants or individual versions. Among them, special attention was paid to the disclosure of the nature and content of the such conceptions of post-non-classical paradigm of science as the theory of the dynamics of scientific knowledge T. Kuhn, the cognitive sociology of science, the cultural-historical theory of the functioning and development of science and scientific knowledge, the case-studies, the radical constructivism, the poststructuralist interpretation of the process of scientific knowledge and its dynamics. In the result of the analysis noted as strengths of each of these conceptions and their fundamental epistemological flaws. Identified weaknesses of these conceptions will make quite a reasonable conclusion: none of these conceptions as individually as collectively are not adequate to the real process of scientific cognition and the actual patterns in the dynamics of scientific knowledge. The establishment of such adequate theory has yet in the future. But the foundation for this in the framework of the post-non-classical philosophy of science has already been created. Now must be the essential synthesis of the rational ideas of existing conceptions post-non-classical philosophy of science. But this synthesis is only possible within a broader and at the same time, a deeper epistemological framework than it was presented post-non-classical philosophy of science. The author believes that the function of such a platform could provide the positive-dialectical philosophical concept of the structure and dynamics of scientific knowledge.

Keywords: science, scientific cognition, scientific knowledge, structure of scientific knowledge, dynamic of scientific knowledge, philosophy of science, postnonclassical philosophy of science.

Постнеклассическая философия науки – новый этап развития философии науки, который в 70-х годах XX века пришел на смену неклассической философии науки, основными течениями которой были неопозитивизм (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, К. Гемпель, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и др.) и постпозитивизм (К. Поппер, И. Лакатос, А. Агасси, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд и др.) [10; 11]. Постнеклассическая философия науки

представлена рядом альтернативных концепций структуры и динамики научного знания, во многом дополняющих друг друга, но при этом не совместимых с основными идеями неклассической философии науки. Это такие концепции как теория научных революций Т. Куна, когнитивная социология науки (М. Малкей, Дж. Гилберт, С. Уолгар, Дж. Блур и др.), культурно-историческая эпистемология (П.П. Гайденок, М.А. Розов, В.С. Степин, В.С. Библер, М.К. Петров и др.), кейс-стадис (К.Д. Кнор-Цетина, А.П. Огурцов, Б. Латур и др.), радикальный конструктивизм (У. Матурана, П. Вацлавик, Р. Рот и др.), постструктурализм (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева и др.). Все эти разные концепции структуры и динамики научного знания объединяет одно: неприятие и критика двух основных постулатов неклассической философии науки. Первый ее постулат: содержание эмпирического знания полностью детерминировано познаваемыми объектами. Второй постулат: основной причиной динамики теоретического знания в науке, смены прежних теорий новыми является противоречие между теориями как продуктами конструктивной деятельности мышления и эмпирическим знанием (данными наблюдения и эксперимента). В постнеклассической философии в качестве альтернатив этим постулатам всей прежней философии науки, как классической (индуктивизм) [7], так и неклассической (неиндуктивизм и фальсификационизм) [7; 11] было выдвинуто и обосновано два новых постулата: 1) утверждение о многофакторном характере процесса динамики научного знания, необходимыми элементами которого являются не только факты, теории и их взаимодействие, но также субъективные и социальные условия осуществления научной деятельности; 2) утверждение о творческой, конструктивной природе не только теоретической деятельности в науке, но также процесса эмпирического познания и его результатов. Различное понимание количества этих факторов, их природы и веса и явилось основной причиной плюрализма и многообразия концепций постнеклассической философии науки. Проанализируем критически сущность и основные идеи постнеклассической философии науки.

1. Парадигмальная концепция развития науки. Эта хорошо известная сегодня концепция была впервые сформулирована в знаменитой книге американского историка и философа науки Т. Куна «Структура научных революций» (1970 г.) [3]. В этой работе на примере анализа коперниканской революции в астрономии Т. Кун развил новую концепцию динамики науки, получившую название «парадигмальной». В ней Т. Кун попытался соединить идеи прерывности и непрерывности в развитии научного знания, признать наличие как эволюционных и революционных периодов в развитии научных дисциплин, а также дополнить внутренние законы функционирования и развития научного знания (внутреннюю логику науки) внешними социальными и культурными факторами динамики науки. Основной несущей конструкцией модели науки Т. Куна является понятие «научная парадигма». Научная парадигма по Куну — это общепринятая дисциплинарным научным сообществом в «нормальный» (эволюционный) периода развития той или иной научной дисциплины или науки в целом ее фундаментальная научная теория (например, такими были геоцентрическая теория земной астрономии, а затем сменившая ее гелиоцентрическая теория; аристотелевская физика и сменившая ее в Новое время классическая механика Галилея-Ньютона; или ламаркизм и дарвиновская теория эволюции; или такие фундаментальные теории как квантовая механика и синергетика в современной физике, теория рефлексов И.П. Павлова в физиологии, социальная экология и др.). Парадигмальная теория задает не только общепринятое видение определенной предметной области науки, но и образцы, а также методику решения научных проблем, относящихся к этой области. Кун считает научную деятельность в период нормальной науки вполне творческой, определяя ее сущность как «решение головоломок». В «нормальный» период развития науки как науки в целом, так и любой научной дисциплины их динамика, прирост научного знания определяются чисто внутренними ресурсами науки. Однако, подчеркивает Кун, и это показывает вся реальная история науки, рано или поздно любая фундаментальная теория исчерпывает свои когнитивные возможности. Чаще всего это случается тогда, когда открываются новые факты, которые с трудом поддаются описанию и объяснению в рамках существующей теории, а тем более, если они вообще противоречат парадигмальной теории. В это время в развитии науки и научного знания наступает «экстраординарный» период их существования, или период «научной революции». Это период не только неопределенности

и «смуты» в развитии науки, но и время наибольшей востребованности ее творцов – теоретиков, способных выдвинуть и разработать принципиально новое видение соответствующей предметной области науки. Оно должно привести к решению непреодолимых для старой теории научных проблем, причем столь же естественным и эффективным образом, как это делала и сама старая теория по отношению к релевантным для нее проблемам. Как правило, первоначально борьба между сторонниками старой научной парадигмы и теми, кто разделяет идеи новой парадигмы, является весьма жесткой, бескомпромиссной и нередко нелицеприятной [13; 14]. В полемике между противоборствующими сторонами используются самые разные ресурсы социокультурной инфраструктуры науки (общие философские идеи, научные авторитеты, властный ресурс научной элиты, идеологическая аргументация, самоутверждение нового поколения ученых, деятельность средств массовой информации, научной пропаганды и т.д.). Конечно, при этом главные цели науки – точное описание и эффективное объяснение как всех имеющихся фактов, так и, особенно, предсказание новых, остаются приоритетными для всех участников и экстраординарного этапа развития науки. Во всяком случае, на словах. Интегрируя все перечисленные выше социальные факторы, влияющие на исход научной борьбы во время научных революций, Т. Кун относит их по ведомству социальной психологии науки [19]. Отказ научного сообщества (по крайней мере, его наиболее влиятельной части) от старой парадигмы и принятие им новой, во многом несовместимой с утверждениями прежней, Кун сравнивает с обращением ученых в «новую веру». Он описывает этот переход в терминах психологии восприятия, а именно, как особого рода гештальт-переключение. Своей теорией развития научного знания Т. Кун выступил сразу против двух прежних моделей динамики научного знания: 1) классической концепции кумулятивного характера развития научного знания, в основе которой лежал принцип соответствия между содержанием новой и старой теорий, и 2) неклассической концепции перманентной научной революции К. Поппера с лежащими в ее основе идеями фальсификационизма и фаллибилизма [7; 10]. Т. Кун подверг резкой критике обе эти модели и заявил о себе как о создателе новой парадигмы в философии науки. Необходимо отметить, что и сегодня концепция Т. Куна пользуется признанием многих зарубежных и отечественных философов науки и ученых. И все же в концепции развития науки Т. Куна имеется ряд серьезных изъянов. Первый из них заключается в отрицании Куном наличия какого-либо общего содержания у старой и новой парадигмы (и как следствие – признание их принципиальной несоизмеримости между собой). Второй ее принципиальный изъян заключается в истолковании Куном процесса принятия научным сообществом новой парадигмы не как достаточно длительного в историческом времени процесса выработки его представителями научного консенсуса в отношении признания новой фундаментальной теории в качестве истинной и обоснованной, а как простого гештальт-переключения. Неверным с эмпирической точки зрения является и положение теории Куна о существовании в развитии науки так называемого нормального периода, для которого характерно наличие в нем только одной фундаментальной теории, признаваемой в качестве таковой всем научным сообществом. Анализ истории реальной науки, особенно ее современного состояния, определенно говорит об обратном положении дел, а именно о том, что для любой научной дисциплины и в любое время ее эволюции в ней всегда имеют место конкурирующие научные концепции и развивающие их научные школы. Но гораздо дальше Куна в признании фундаментальной роли научного сообщества как принципиально социального субъекта научного познания, в утверждении истины в науке, а также влиянии социальных условий на протекание процесса научного познания и динамику научного знания пошли представители концепции постнеклассической философии науки, получившей название когнитивной социологии науки [10; 14; 16].

Когнитивная социология науки. Ее представители считают, что адекватная модель функционирования и динамики науки должна учитывать существенное влияние не только объектных, социокультурных, но и личностных факторов на процесс выбора учеными тех или иных научных проблем (и тем самым на направления развития науки), темпы динамики научного знания (в частности, за счет создания благоприятных финансовых, материальных, организационных и психологических условий для деятельности ученых), а также и на способы решения учеными научных проблем

(а, в конечном счете, на количество и качество научного знания). Сторонники когнитивной социологии науки отвергают любые рационалистические модели научного познания, либо как бессубъектного процесса при понимании субъекта научного познания в виде отдельного конкретного ученого (Г. Гегель, К. Поппер и др.), либо как трансцендентально-субъектного процесса (Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Кант и др.) при понимании субъекта научного познания как субъекта вообще, как некоей сущности, наделенной необходимыми познавательными способностями (например, нормой чувственного восприятия, законами логического мышления и общими категориями) [6; 20]. В противоположность как объективно-рационалистическому, так и субъективно-априористскому истолкованиям процесса научного познания, а также процесса динамики и роста научного знания, когнитивные социологи науки в развиваемых ими концепциях настаивают на существенном влиянии, оказываемом на эти процессы реальными и вполне конкретными субъектами научной деятельности (их творческого потенциала, мировоззрения, психологических особенностей, объема и качества знаний). Они настаивают на принципиальном значении для адекватной теории научной деятельности того обстоятельства, что научное познание всегда совершается реальными учеными в определенной социокультурной среде, имеющей вполне конкретное историческое измерение. Согласно представителям когнитивной социологии науки, важную роль в формировании содержания научной теории, наряду с эмпирической информацией об объекте («эмпирическим репертуаром»)[16], играет также разделяемая учеными система их общих философских принципов и ценностных мотиваций (их «социальный репертуар»)[16]. Последний формируется либо в результате присоединения ученого к определенной научной традиции, школе, авторитету, либо благодаря личной индивидуальной актуализации накопленных обществом культурных ресурсов вплоть до творческого участия в их создании (Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон, Н. Бор, А. Пуанкаре, Д. Гильберт и др.).

Главными выводами когнитивной социологии науки являются положения о важнейшей роли реальных субъектов научного познания в функционировании и динамике научного знания. Среди них: а) утверждение о принципиально коллективном характере субъекта научного познания и б) положение о решающем значении научного консенсуса при принятии фундаментальных решений в науке, в том числе и при решении вопроса об истинности или ложности научных концепций и теорий. С этими положениями во многом согласны и представители такого направления постнеклассической философии науки как культурно-историческая эпистемология, но при этом они делают акцент на бытии и эволюции науки в качестве органической части культуры, как культуры в целом, так и ее отдельных состояний (исторических и национальных культур).

Культурно-историческая эпистемология. При построении моделей динамики науки здесь придается огромное значение опоре не только на эмпирический материал истории науки, но и на материал истории культуры, органической частью которой наука действительно всегда являлась и является сегодня также [1; 17]. Главными темами исследования динамики науки в рамках этого направления являются следующие: 1) объяснение происхождения науки как особого способа познания действительности и в этой связи акцент на анализе культурно-исторических предпосылок зарождения и становления науки; 2) выделение и типологизация основных исторических этапов развития науки от момента ее зарождения до настоящего времени; 3) анализ содержания и особенностей основных культурно-исторических типов науки; 4) анализ факторов культуры, наиболее мощно влияющих на содержание и динамику науки и научного знания; 5) анализ зависимости науки, ее содержания, динамики от особенностей национальных культур. Общие итоги культурно-исторического подхода в изучении динамики науки могут быть сформулированы следующим образом. Первый. Возникновение, содержание, особенности и динамика науки зависят не только от содержания исследуемых в науке объектов, но и от того типа культуры, частью которого данная наука является (работы П.П. Гайденко, В.С. Степина, Л.А. Косаревой, М.К. Петрова, В.С. Библера и др.). Второй. По мере развития науки, увеличения ее информационной и методологической мощи, значение ее внутренних факторов, детерминирующих содержание и динамику науки, неуклонно возрастает. Однако, необходимо помнить, что наука всегда была и по-прежнему остается имманентной частью наличной культуры, а потому не может не испытывать на себе ее влияние в самых различных формах. Для интегрального описания социальных факторов как важного

детерминанта развития научного знания было предложено ввести такое понятие как «социокультурный фон науки» [10; 11]. Столь же важной категорией культурно-исторической концепции динамики научного знания явилось понятие научной рациональности. В содержании этой категории необходимо выделять два ее взаимосвязанных компонента: инвариантный, независимый от конкретных исторических условий существования науки и переменный, представляющий собой конкретизацию инвариантного содержания данной категории применительно к разным культурным контекстам осуществления процесса научного познания, а также разным областям, уровням и видам научного познания [4; 5; 12; 15; 23].

Еще одной важной структурообразующей концепцией постнеклассической философии науки явилась кейс-стадис (case-studies).

Кейс-стадис. Эта концепция явилась симбиозом макро-социологического и микро-социокультурного анализа процессов научного познания и динамики научного знания. В предмет этой концепции входит изучение как комплекса причин, порождающих какую-либо конкретную единицу научного знания (факт, гипотезу, теорию, исследовательскую программу и т.п.), так и анализ причин, приводящих к принятию или отвержению учеными и научными сообществами конкретных научных концепций или даже направлений науки. Большое значение здесь придается изучению жизненного пути и жизненного опыта конкретных ученых как важного фактора их когнитивного выбора и поведения. В основном философскими исследованиями типа «кейс-стадис» занимаются представители социологии науки, культурологии науки и антропологии науки (К.Д. Кнорр-Цетина, С. Уолгар, А.П. Огурцов и др.). Исходной философской предпосылкой данного типа исследований функционирования и динамики науки является положение о том, что процесс научного познания детерминируется самыми разными факторами информационного, методологического, коммуникационного и личностно-психологического характера, и что в разных конкретных ситуациях при принятии учеными когнитивных решений вес и комбинация этих факторов могут быть самыми различными. И именно поэтому они требуют конкретного эмпирического изучения и описания. Данное положение представители кейс-стадис подтверждают многочисленными примерами эмпирического исследования реальных частных познавательных ситуаций, особенно при выдвижении и оценке учеными радикальных научных инноваций. С точки зрения сторонников кейс-стадис стремление найти в науке какие-то общие нормы и закономерности когнитивной (или социальной) деятельности ученых является не только малоэффективным занятием, но даже и вредным, поскольку принижает значение личной ответственности ученого за принимаемые им решения. Несмотря на эмпирический характер, исследования динамики науки в рамках кейс-стадис являются все же не историческим, а скорее социологическим изучением науки [11].

Еще одной значимой концепцией постнеклассической философии науки является радикальный конструктивизм [18].

Радикальный конструктивизм. Впервые конструктивизм как особая философская концепция научного познания заявил о себе еще в начале XX в. при обсуждении природы математического знания и методов его построения и обоснования. Идейной предтечей конструктивизма в философии математики был математический интуитионизм Л. Брауэра и А. Гейтинга. Последние противопоставили свою концепцию природы математического знания, с одной стороны, эмпирической интерпретации математического знания (И. Ньютон, Ф. Гаусс, Н.И. Лобачевский и др.) а, с другой, различным версиям априористского истолкования природы этого особого рода знания (Р. Декарт, И. Канта, Г. Лейбниц, Г. Фреге, Б. Рассел и др.). Эмпирическая концепция математики, как справедливо отмечали конструктивисты, явно противоречит идеализированному характеру математической реальности и ее объектов. Математические объекты в принципе не могут быть получены путем обобщения эмпирического опыта, а только либо путем его идеализации, либо путем их свободного конструктивного введения мышлением [22]. Априористское же понимание природы математического знания не приемлемо в силу того, что оно не способно объяснить факты реально существующего плюрализма в структуре математического знания, ибо в ней сосуществуют и считаются при этом одинаково законными альтернативные по своему содержанию математические теории. Например, евклидовы и неевклидовы геометрии, коммутативные и некоммутативные алгебры,

статистические и логические теории вероятности, и т.п. Пройти между Сциллой эмпиризма и Харибдой априоризма в истолковании природы математического знания, признать его внеэмпирический и в то же время не априорный характер можно только в том случае, если исходить из того, что все математические объекты и теории являются результатом свободной конструктивной деятельности мышления математиков. Более того. Конструктивисты считают, что основным методом построения математических теорий как систем доказательного знания является вовсе не дедукция (имеющая аналитический характер), а конструктивно-генетический метод построения математических доказательств. Основу последнего составляет математическая индукция, которая имеет характер синтетического априорного вывода. Математическое конструирование, утверждают конструктивисты, по своей структуре полностью тождественно любому виду материального конструирования, когда из исходных объектов по определенным (и простым) правилам строятся более сложные объекты; из последних еще более сложные и т.д. Математическое мышление по своей сущности аналогично предметно-практической деятельности человека. Оно является не просто активной, но и творческой и творящей новую реальность субстанцией. Именно так обосновывали в свое время сущность математического конструктивизма такие видные его отечественные представители как А.А. Марков, Г.С. Цейтин, Н.А. Шанин, И.Д. Заславский и др. Как и любая реальность, математическая реальность дана человеку только в ходе его практической деятельности с ней. Поэтому «существовать» в математике с точки зрения конструктивистов может иметь своим единственным объективным значением и одновременно критерием только одно – «быть построенным» [22].

По мере развития естественных, технических и социально-гуманитарных наук и осмысления способов получения знания в этих науках также стало достаточно очевидным наличие в них конструктивного (деятельностного) начала. Это относится к правильному осмыслению познавательных переходов в них от объективной реальности к чувственному знанию о ней, от чувственного знания к эмпирическому знанию, а от последнего к научным теориям. Оказалось, что все такого рода познавательные переходы имеют не логически выводной, а конструктивно-деятельностный характер [8; 9; 21]. В результате появилась возможность распространения идей конструктивизма на все этапы и виды научного познания. Это и было сделано в начале 70-х годов XX в. представителями такого направления постнеклассической философии науки как радикальный конструктивизм (П. Вацлавик, У. Матурана, Р. Рот, Н. Бергер, Н. Лукманн и др.) [18]. Радикальные конструктивисты, прежде всего, подвергли разрушительной критике истолкование процесса научного познания как отражения действительности. Они считают трактовку научного познания как отражения объективистской и при этом пассивистской концепцией, в которой явно недооценивается творческая природа научного познания, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне познания. Вместе с тем, радикальные конструктивисты не приемлют ни в каком виде и рационалистический априоризм и методологический универсализм [15], считая их такими же порождениями фундаменталистской философии науки, как и трактовку научного познания как процесса отражения сознанием ученых познаваемых ими объектов. С точки зрения конструктивистов все указанные выше варианты фундаменталистской эпистемологии одинаково далеки от реальной науки. Свой эвристический потенциал конструктивистская философия науки достаточно убедительно продемонстрировала не только в области математики, но также в социальных и инженерно-технических науках. В частности, существенные результаты здесь были получены в методологической школе Г.П. Щедровицкого при рассмотрении в ней науки как одного из видов проективной деятельности [11]. Однако у конструктивистской философии науки при всех ее преимуществах имеется, на наш взгляд, ряд существенных недостатков. К ним относятся: 1) нарушение баланса конструктивного и объективно-детерминированного начал в научном познании в пользу первого; 2) абстрагирование от взаимосвязи и диалектики продуктивной и репродуктивной деятельности в научном познании; 3) недостаточное внимание к различию степеней конструктивности познания на различных его уровнях и в различных областях наук, а также в эволюционный и революционный периоды развития науки. Эти недостатки не позволяют рассматривать конструктивистскую философию науки как имеющую универсальный характер по отношению к реальной науке и

различным этапам ее функционирования и развития. Однако, самым радикальным направлением постнеклассической философии науки явился постструктурализм, представители которого попытались объединить конструктивистское понимание научного познания с индивидуалистической трактовкой субъекта научного познания как носителя и творца собственной языковой системы.

Постструктурализм. Постструктурализм возник в 70-х годах XX в. как одно из течений лингвистической философии, связанное с радикальной критикой основных идей и понятий структуралистской парадигмы в языкознании [2]. Лидерами постструктурализма стали Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева и др. Они подвергли разрушительной критике все основные категории и концепты структурализма: текст, объективная структура текста, автор текста, стабильность знака, понимание текста, объективная истина и объективный смысл и др. Так, если с точки зрения структурализма истина и смысл находятся внутри текста, являясь его собственными, имманентными свойствами, то с позиций постструктурализма истина и смысл находятся вне текста и принадлежат автору или интерпретатору (читателю текста). Истина и смысл текста порождаются в акте взаимодействия читателя с текстом, как и вообще взаимодействия субъекта с любым познаваемым им объектом, в качестве которого в данном случае выступает текст. Они порождаются в ходе взаимодействия одного субъекта (читателя) с другим (автором). Вне взаимодействия индивидуальных субъектов познания истина и смысл не существуют. Естественно поэтому, что с этих позиций любая истина всегда не только относительна, но и субъективно-личностна. Идея же чисто объективной, а тем более абсолютной объективной истины, является, по мнению постструктуралистов, ни чем иным как идеологическим порождением тоталитарного сознания, важнейшим элементом технологии власти и рычагом ее осуществления в классовом обществе.

Претендуя на адекватную форму осмысления не только науки, но и всей современной культуры, постструктурализм выступил решительным критиком всех ценностей, которые сформировались в западноевропейской культуре в Новое время (модернистская культура) – период формирования классического капитализма и индустриальной европейской цивилизации. Очевидно, что модернистская культура не могла бы одержать победу над традиционной средневековой христианской культурой Европы, не создав при этом новую, более привлекательную идеологию, чем та, которую имела средневековая феодальная Европа. Как известно, окончательное утверждение в обществе этой новой, модернистской, буржуазной идеологии произошло только в эпоху Просвещения. На ее знамени были выведены следующие ценности: Разум, Истина, Прогресс, Свобода, Человек. С одной стороны, это были антиподы ценностей религиозной средневековой культуры: Бог, Вера, Традиция, Вечность, Мировая Гармония. Но, с другой стороны, как и всякие новые ценности, они могли утвердиться в культуре и обществе только путем их абсолютизации, только на основе безусловной веры в их реализуемость, только путем бескомпромиссного внедрения их в массовое сознание. В сфере науки они легли в основу формирования новой идеологии науки – идеологии классической науки, породив соответствующую ей философию. Основными идеями модернистской (классической) философии науки были следующие. В области онтологии: предмет науки – объективная реальность, которая функционирует по присущим ей объективным законам; эти законы имеют однозначный, необходимый характер; пространство и время также объективны и представляют собой самостоятельные субстанции, независимые как друг от друга, так и от свойств объектов; в природе все однозначно детерминировано и причинно обусловлено; там нет места ни вмешательству Бога в естественный ход событий, ни случайности, ни целей. В области гносеологии основными постулатами классической (модернистской) науки стали: субъект науки – носитель трансцендентального сознания (трансцендентальный субъект), способный постигнуть о предмете познания всеобщую, необходимую и объективную истину (абсолютную истину); существует универсальный научный метод получения таких истин; возможна только одна истинная теория об одном и том же объекте; основа науки – объективные факты, которые получаются в ходе наблюдений и эксперимента над познаваемыми объектами; чувственное познание гарантирует абсолютно адекватное восприятие свойств и отношений познаваемых объектов. Далее. Научные законы и теории суть обобщения объективных фактов; существует логика открытия и доказательства

научных законов и теорий. Теории же в науке однозначно детерминированы лежащими в их основе фактами. Научное познание – абсолютно объективно и ценностно нейтрально; процесс научного познания направляется исключительно идеей достижения Истины, оно полностью бескорыстно. Научная теория – это логически доказательная система знания. Факты способны доказать или как минимум подтвердить истинность научной теории. Аксиология модернистской (классической) философии науки: наука – абсолютное благо для общества и человека; все социальные проблемы могут и должны решаться исключительно на основе научного знания (сциентизм); наука и научное знание развивается только прогрессивно, путем накопления новых истинных фактов и построения новых теорий, которые обобщают старые (прогрессизм).

Не универсальность и даже ложность почти всех отмеченных выше философских оснований классической науки станет ясной уже к концу XIX – началу XX в., когда в классической (модернистской) науке неожиданно разразился кризис. Этот кризис был тотальным и затронул все области научного знания: естествознание (и прежде всего его основу – классическую физику и биологию); математику (и прежде всего геометрию, теорию множеств и математическую логику), социально-гуманитарные науки (и прежде всего экономику, право, политические концепции, геополитику, философию). Итогом глобальной научной революции при переходе от классической (модернистской) науки к неклассической науке станет не только создание принципиально новых парадигмальных теорий во всех областях науки (теории относительности и квантовой механики в физике; генетики и молекулярной биологии в науках о живом; конструктивной и вычислительной математики и т.д.), но и осознание несостоятельности идеологии и философии классической науки, а также необходимости создания новой, более адекватной новой науке ее философии.

Постструктурализм и объявил себя адекватной философией всей неклассической и постнеклассической науки. Его представители если и не развенчали окончательно, то, по крайней мере, основательно подорвали модернистскую эпистемологическую веру в возможность достижения в науке однозначного и абсолютно определенного знания, как собственно и в любой другой сфере современной культуры. Философский антифундаментализм постструктурализма имел своим главным научным основанием анализ структуры реального языка и законов его функционирования. Постмодернисты (Ф. Лиотар, Ю. Кристева и др.) сделали из этого анализа последовательные и решительные выводы для понимания бытия не только науки, но и всей современной культуры, которая «насквозь» во всех своих проявлениях и ответвлениях пронизана различного рода текстами и дискурсами, опутана глобальной сетью языковых в своей основе коммуникаций.

Именно к современной культуре в наибольшей степени адресована характеристика постмодернистов: культура – это текст и часто уже почти невозможно различить этот текст как репрезентацию явлений культуры от самой культуры. Среди фундаментальных и вместе с тем универсальных характеристик любого дискурса, независимо от его содержания (обыденное познание, философия, поэзия, художественная литература, наука), постструктуралисты открыли его повествовательность и сюжетность (любой текст, в том числе и все научные статьи и монографии, так или иначе, есть всегда рассказ, story). Это означает, во-первых, явно телеологический способ организации любого текста, а отнюдь не объективно-описательный, как это думали структуралисты и классические философы науки. Во-вторых, это означает, что любой научный текст самой своей структурой всегда предполагает коммуникативность, обращение к другому субъекту, как необходимому соучастнику познавательного акта. Таким образом, с точки зрения постмодернистов, основное направление познавательного акта проходит не по оси «объект – субъект», а по линии «субъект 1 – субъект 2 – ...».

Любой текст, включая научный, всегда опирается также на большой массив бессознательно принятого автором текста неявного знания (интуитивной информации), являясь частью более обширного целого – некоторого контекста, границы которого уже нельзя определить полностью и однозначно. В этом отношении, утверждают постмодернистские философы науки (В. Вельш, Ф. Джеймисон и др.), наука качественно ничем не отличается от других видов дискурса: мифологии, художественной литературы,

философии и др. Везде — принципиальная многозначность, недоговоренность (и «невыговоренность»), открытость для новой интерпретации. Различие лишь в степени этих характеристик, то есть в количестве, но отнюдь не в их присутствии или отсутствии [10].

Как любят утверждать постмодернисты: «Никто до конца не знает, ни что он точно сказал (или написал), ни о чем именно». С их точки зрения, в полной мере это относится и к научным текстам, хотя, конечно, наука в отличие от других видов дискурса прилагает сознательные и огромные усилия, чтобы максимально минимизировать эту присущую любому языку неопределенность. Исходя из этого, само представление о научном знании как о чем-то объективно-истинном, доказательном и однозначном постмодернистские философы считают одним из самых больших социокультурных мифов. Они полагают, что весь ход истории науки (с XVII по XX в.), основанной на этом мифе, убедительно продемонстрировал его явное несоответствие реальной науке. Природа языка, основанная на нем человеческая культура и все ее проявления (в том числе и наука) таковы, что человек вынужден жить в созданном им плюралистическом и всегда не до конца определенном мире. Но это же является и необходимым условием человеческого творчества как естественной для него и одновременно специфической формы его бытия, отличающей человека от всех других, живых и неживых существ. Человек — не просто творческое существо, но и творящее свое бытие. Одним из условий и одновременно следствием творческой деятельности людей является постоянное поддержание в обществе необходимого уровня разнообразия и плюрализма. Это требует от людей в качестве условий их адекватного поведения необходимости соблюдения ими таких норм и ценностей как толерантность, гуманизм, консенсуальность, ответственность, в том числе и персональная.

И все же зададим главный вопрос: а насколько оправдано распространение эпистемологических и культурологических идей постструктурализма на область научного знания? С нашей точки зрения, однозначного положительного или отрицательного ответа на эти вопросы пока дать нельзя. С одной стороны, в своем антифундализме по отношению к любому дискурсу, в том числе и к научному, постструктуралисты, безусловно, правы. История науки и ее современное состояние убедительно свидетельствует в пользу отсутствия абсолютной определенности, однозначности и истинности любого научного текста. Однако отсюда вовсе не следует, что различные виды и единицы знания обладают одинаковой степенью неопределенности и неоднозначности, что научное и различные ненаучные виды знания в этом отношении равноправны. Очевидно, что научный дискурс и научные тексты обладают гораздо большей определенностью, однозначностью и доказательностью, чем, скажем, обыденное знание или философские концепции, а тем более — мифологический или поэтический дискурсы. Это же относится и к необходимости различения по степени определенности и обоснованности и у разных видов, областей и единиц знания внутри самой науки. Например, очевидно, что наибольшую степень определенности и однозначности и, как следствие, общезначимости среди всех научных текстов имеют математические тексты, затем следуют естественнонаучные, технические тексты и, наконец, социально-гуманитарные. Более того. Даже в пределах одной области научного знания строгость и однозначность ее высказываний может быть и является различной. В этом отношении аналитические истины явно превосходят синтетические, а теоретическое знание является более строгим и однозначным чем эмпирическое. Вот почему попытки постмодернистов применить свои концепции науки к анализу, например, развитого естествознания (особенно, современной теоретической физики), а тем более — математики, оказались явно неубедительными. Дело в том, что степень неопределенности и субъективности дискурса в математике и теоретическом естествознании настолько мала (по сравнению с текстами из других наук, а тем более — ненаучными текстами), что с практической точки зрения ею можно смело пренебречь. Конечно, совсем по-другому дело обстоит в гуманитарных науках, а тем более — в гуманитарном познании в целом. Диалогическая природа гуманитарного знания хорошо известна, а его ценностная и социальная «нагруженность» настолько велики, что всякие попытки абстрагироваться от них или приблизить гуманитарные тексты к стандартам естественнонаучного знания неминуемо приводят к полному искажению природы и функций гуманитарного знания и фактически к уничтожению их реального смысла. Полисемантность, многослойность и большая степень открытости гуманитарного знания к его различным интерпретациям и

творческому прочтению это отнюдь не его недостаток, а скорее особенность и даже достоинство. Это связано с тем, что любой гуманитарный текст всегда обращен к Другому, как приглашение к мировоззренческому диалогу автора текста с читателем, к интеракции и обмену их ценностным опытом. В этом плане постструктуралистская философия науки может быть оценена как весьма развитая, зрелая и современная форма философско-методологической рефлексии именно гуманитарного познания. Вместе с тем, претензии постмодернизма на универсальность и эффективное применение своих эпистемологических идей ко всем наукам и, в частности, к математике, естественным и техническим наукам, оказались явно не обоснованными.

Литература

1. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. XVII–XVIII вв. М., 2010.
2. Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ. 2009.
4. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 15-28.
5. Лебедев С.А. Наука и научная рациональность // Известия Российской академии образования. 2015. № 4. С. 19-26.
6. Лебедев С.А. Проблема субъекта и объекта в научном познании // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 19-26.
7. Лебедев С.А. Индукция как метод научного познания. М.: Издательство Московского университета. 1980. 192 с.
8. Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. № 10. С. 83-100.
9. Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. № 11. С. 124-135.
10. Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 72-82.
11. Лебедев С.А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Издательство Московского психолого-социального университета. 2014. 272 с.
12. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53-64.
13. Лебедев С.А. Проблема истины в науке // Человек. 2014.
14. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7-13.
15. Лебедев С.А., Лебедев К.С. Существует ли универсальный научный метод? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 51-72.
16. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.
17. Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический проект. 2011.
18. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен. М., 2000.
19. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб: Изд-во РХГИ. 2001.
20. Lebedev S.A. The object and subject of scientific cognition // Вопросы философии и психологии, 2015, Vol.(6), Is. 4, pp. 275-280.
21. Lebedev S.A. Axiomatic and genetic-construction methods of theoretical cognition // European Journal of Philosophical Research. 2015. № 2(4). S. 72-82.
22. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. № 1(1). S. 65-72.
23. Lebedev S.A. Scientific rationality and its structure // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2016. Vol.(7), Is. 1, pp. 29-40.

References

1. Gaidenko P.P. Evolyutsiya ponyatiya nauki. XVII–XVIII vv. M., 2010.
2. Il'in I. Poststrukturalizm, dekonstruktivizm, postmodernizm. M., 1996.
3. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: AST. 2009.
4. Lazarev F.V., Lebedev S.A. Filosofskaya refleksiya: sushchnost', tipy, formy // Voprosy filosofii. 2016. № 6. S. 15-28.

5. Lebedev S.A. Nauka i nauchnaya ratsional'nost' // Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya. 2015. № 4. S. 19-26.
6. Lebedev S.A. Problema sub"ekta i ob"ekta v nauchnom poznanii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2016. № 1. S. 19-26.
7. Lebedev S.A. Induktsiya kak metod nauchnogo poznaniya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1980. 192 s.
8. Lebedev S.A. Struktura nauchnogo znaniya // Filosofskie nauki. 2005. № 10. S. 83-100.
9. Lebedev S.A. Struktura nauchnogo znaniya // Filosofskie nauki. 2005. № 11. S. 124-135.
10. Lebedev S.A. Osnovnye paradigmy epistemologii i filosofii nauki // Voprosy filosofii. 2014. № 1. S.72-82.
11. Lebedev S.A. Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo universiteta. 2014. 272 s.
12. Lebedev S.A. Peresborka epistemologicheskogo // Voprosy filosofii. 2015. № 6. S. 53-64.
13. Lebedev S.A. Problema istiny v nauke // Chelovek. 2014.
14. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. Konventsii i konsensus v kontekste sovremennoi filosofii nauki//Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. 2014. № 1. S.7-13.
15. Lebedev S.A., Lebedev K.S. Sushchestvuet li universal'nyi nauchnyi metod?// Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2015. № 2. S. 51-72.
16. Malkei M. Nauka i sotsiologiya znaniya. M., 1983.
17. Stepin V.S. Istoriya i filosofiya nauki. M.: Akademicheskii proekt. 2011.
18. Tsokolov S. Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Myunkhen. M., 2000.
19. Yurevich A.V. Sotsial'naya psikhologiya nauki. SPb: Izd-vo RKhGI. 2001.
20. Lebedev S.A. The object and subject of scientific cognition // Вопросы философии и психологии, 2015, Vol.(6), Is. 4, pp. 275-280.
21. Lebedev S.A. Axiomatic and genetic-construction methods of theoretical cognition // European Journal of Philosophical Research. 2015. № 2(4). S. 72-82.
22. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels// European Journal of Philosophical Research. 2014. № 1(1). S. 65-72.
23. Lebedev S.A. Scientific rationality and its structure // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2016. Vol.(7), Is. 1, pp. 29-40.

УДК 1

Постнеклассическая философия науки: критический анализ

Сергей Александрович Лебедев

МГУ им. М.В. Ломоносова и МВТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация. В статье реконструируется концептуальное ядро современного этапа эволюции философии науки, его конкретизация в серии различных концепций структуры и динамики научного знания, представляющих современный постнеклассический этап философии науки, дается критический анализ основных положений, как ядра данного этапа, так и его различных вариантов или частных версий. Среди них основное внимание было уделено раскрытию сущности и содержания таких концепций постнеклассической науки как парадигмальная теория динамики научного знания Т. Куна, когнитивная социология науки, культурно-историческая теория функционирования и развития науки и научного знания, кейс-стадис, радикальный конструктивизм, постструктуралистская интерпретация процесса научного познания и его динамики. В результате проведенного анализа зафиксированы как сильные стороны каждой из этих концепций, так и их принципиальные эпистемологические изъяны. Выявленные недостатки этих концепций позволят сделать вполне обоснованный вывод: ни одна из этих концепций в отдельности, ни

все вместе, не являются адекватными реальному процессу научного познания и действительным закономерностям динамики научного знания. Создание такой адекватной теории еще только предстоит в будущем. Но основа для этого в рамках постнеклассической философии науки уже создана. Теперь необходим синтез рациональных идей существующих концепций постнеклассической философии науки. Но такой синтез возможен только в рамках более широкой и в то же время более глубокой эпистемологической платформы, чем это было представлено ядром постнеклассической философии науки. Автор считает, что функцию такой платформы могла бы обеспечить позитивно-диалектическая философская концепция структуры и динамики научного знания.

Ключевые слова: наука, научное познание, научное знание, структура научного знания, динамика научного знания, философия науки, постнеклассическая философия науки.